

<https://doi.org/10.18500/0320-961X-2023-21-140-168>
Античный мир и археология. 2023. Вып. 21. С. 140–168.
Ancient World and Archaeology. 2023. No. 21. Pp. 140–168.
<https://ama.sgu.ru/ru>
Научная статья
Article
УДК [94+327](37:393.4)+929

РИМ И КАППАДОКИЯ НАКАНУНЕ МИТРИДАТОВЫХ ВОЙН: ОТ БЕЗДЕЙСТВИЯ К ВМЕШАТЕЛЬСТВУ*

Е.В. Смыков

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83.

Смыков Евгений Владимирович, к.и.н., доцент кафедры истории древнего мира, smykov61@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2475-2138>.

Аннотация: в статье рассматриваются отношения Рима и царства Каппадокия накануне Первой Митридатовой войны. Хотя союзнические отношения между ними существовали уже несколько десятилетий, Рим проявлял мало интереса к событиям в этом отдаленном регионе. Лишь возвышение Понта и стремление Митридата Евпатора усилить здесь свое влияние побудили сенат к более активным действиям. Обычно принимается, что обстановку на Востоке изучил на месте Гай Марий во время своей поездки в Пессинунт; в статье высказывается предположение, что более вероятно связывать это с азиатской миссией принцепса сената М. Эмилия Скавра. О ней известно мало, но это не дает оснований не учитывать самого этого факта. Непосредственное вмешательство Рима произошло в связи с выборами нового монарха после пресечения династии Ариаратидов. Это вмешательство осуществил Л. Корнелий Сулла в интересах избранного царем Ариобарзана. В статье принимается мнение о том, что Сулла, исполняя порученное ему дело, находился на Востоке не один год, а два или три. Однако успех его миссии оказался временным, поскольку в дальнейшем Митридат в союзе с Тиграном Великим, царем Армении, вновь вторгся в Каппадокию. Итогом всех этих событий стала война Рима с Митридатом. Рим выступал защитником каппадокийского монарха, поскольку чрезмерное усиление Митридата было опасным. В противоположность ему Ариобарзан не располагал возможностями для самостоятельной политики и полностью зависел от поддержки Рима, без которой его царство просто исчезло бы с политической карты.

Ключевые слова: Каппадокия, Рим, Митридат, Ариобарзан, экспансия, Марий, Сулла, Тигран II, Великая Армения.

Для цитирования: Смыков Е.В. Рим и Каппадокия накануне Митридатовых войн: от бездействия к вмешательству // Античный мир и археология. 2023. Вып. 21. С. 140–168. <https://doi.org/10.18500/0320-961X-2023-21-140-168>.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

ROME AND CAPPADOCIA ON THE EVE OF THE MITHRIDATIC WARS: FROM INACTION TO INTERVENTION

E.V. Smykov

---

* Статья подготовлена при поддержке РФФ в рамках гранта «История Каппадокийского царства (IV в. до н.э. – I в. н.э.). Политика, экономика, культура» (код проекта 22-28-01213).

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Street, Saratov, 410012, Russia.

Smykov Evgeniy Vladimirovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, department of Ancient History, smykov61@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2475-2138>.

Abstract: the article examines the relations between Rome and the Kingdom of Cappadocia on the eve of the First Mithridatic War. Although allied relations between them had existed for several decades, Rome showed little interest in events in this remote region. Only the rise of Pontus and the desire of Mithridates Eupator to strengthen his influence here prompted the Senate to take more active action. It is generally accepted that Gaius Marius studied the situation in the East on the spot during his trip to Pessinunt; the article suggests that it is more likely to associate this with the Asian mission of the Princeps Senatus M. Aemilius Scaurus. Little is known about it, but this does not give reason not to take into account this fact itself. The direct intervention of Rome occurred in connection with the election of a new monarch after the suppression of the Ariaratid dynasty. This intervention was carried out by L. Cornelius Sulla in the interests of Ariobarzan, who was elected king. The article accepts the opinion that Sulla, fulfilling the task entrusted to him, was in the East not for one year, but for two or three. However, the success of his mission was temporary, since later Mithridates, in alliance with Tigranes the Great, king of Armenia, again invaded Cappadocia. The result of all these events was the war of Rome with Mithridates. Ariobarzan had no opportunities for independent politics and was completely dependent on the support of Rome, without which his kingdom would simply disappear from the political map.

Keywords: Cappadocia, Rome, Mithridates, Ariobarzan, expansion, Marius, Sulla, Tigran II, Great Armenia.

For citation: *Smykov E.V.* Rome and Cappadocia on the eve of the Mithridatic Wars: from inaction to intervention // *Ancient World and Archaeology*. 2023. No. 21. Pp. 140–168 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/0320-961X-2023-21-140-168>.

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

1. На пути к кризису

Среди эллинистических монархий, вступивших в отношения дружбы и союза с Римом, Каппадокия занимает особое место. Контакты начались относительно поздно, после того как Ариарат IV отправил на помощь Антиоху III 2000 каппадокийцев, которые участвовали в битве при Магнесии. В дальнейшем он повинился перед победителями и был прощен с условием выплаты 600 талантов; благодаря заступничеству Евмена II, за которого в те дни Ариарат помолвил свою дочь, сумма была снижена вдвое, до 300 талантов, а каппадокийский царь принят в дружбу римского народа (Polyb. XXI.41(43).4–7, 45(47); Liv. XXXVII.40.10; XXXVIII.37.5–6, 39.6). Такова в общих чертах история установления первых контактов Рима и Каппадокии. Она достаточно типична для отношений Рима с эллинистическими монархиями¹, и одновременно – достаточно случайна, поскольку Каппадокия располагалась далеко на востоке и Рим не имел там непосредственных интересов.

---

¹ Sherwin-White 1984: 40.

Дальнейшие события демонстрируют, что отношение к «дружбе» у двух сторон было разное². Рим не проявлял особого желания вмешиваться в местные дела, а если и вмешивался, то лишь в форме рекомендаций, не особо контролируя их исполнение³. Каппадокийские цари, напротив, всячески демонстрировали свою приверженность Риму. Неслучайно Ариарат IV направил в Вечный Город своего сына и наследника «на воспитание» (*educandum*) (Liv. XLII.19.3–6), причем сделал это первым из зависимых царей⁴. Такое поведение вполне понятно. Каппадокия с ее богатыми природными ресурсами и расположением на стратегически важных путях⁵ была слишком заманчивой добычей для соседей. Главный претендент на обладание ею тоже был очевиден – цари соседнего Понта, которые рассматривали Каппадокию как законное наследие рода Отанидов⁶. Гарантией сохранения независимости являлась ориентация Ариаратидов на союз с сильнейшим государством региона. До битвы при Магнесии это были Селевкиды; после поражения Антиоха III произошла переориентация на союз с Атталидами, и, как следствие, на стоявший за их спиной Рим. Выгоды от этого сказались почти сразу же: понтийский царь Фарнак I не смог завладеть Каппадокией в ходе войны с коалицией союзников Рима – Пергама, Вифинии и Каппадокии в 193–189 гг. В дальнейшем политика Понта в отношении Каппадокии смягчается, и Ариарат IV совместно с царем Понта Митридатом V Еввергетом оказывают поддержку пергамскому царю Атталу II в его борьбе с вифинской агрессией (156–154 гг.), а Ариарат V вместе с тем же Еввергетом помогают Риму в борьбе с Аристоником (Iust. XXXVII.1.2; Eutr. IV.20; Oros. V.10.2). После гибели Ариарата V в ходе этой войны престол без каких-либо эксцессов перешел к его сыну, который сразу же был признан «союзником римского народа».

Таков общий очерк событий на протяжении II в. до н.э. Как всегда, многие детали реконструируются, оставаясь при этом более или менее дискуссионными, однако в любом случае Каппадокия играет достаточно важную роль в балансе сил в регионе. Условно этот баланс можно определить как «трое на одного»: Пергам, Вифиния и Каппадокия против активности Понта, Пергам; Каппадокия и Понт против Вифинии; наверняка, если бы чрезмерную активность развили каппадокийские цари, они встретили бы совместный отпор трех своих соседей. Такая ситуация, вероятно, устраивала и Рим, которому не нужны были слишком сильные

---

² Обзор материала см.: Ballesteros Pastor 2008: 45–50.

³ Примером такого отношения является вмешательство Рима в династическую борьбу между соперниками, Ариаратом и Ороферном. Несмотря на то, что сенат принял решение о соправительстве, Ариарат с помощью Аттала II изгнал своего конкурента и продолжал править как ни в чем не бывало. См.: Gruen 1984: 584–585 (с указанием на источники); Ballesteros Pastor 2008: 46–48.

⁴ Braund 1984: 9, 146–147.

⁵ Hoben 1969: 140–141.

⁶ Сапрыкин 1996: 188–189.

союзники и который после III Македонской войны перешел в своей политике к более жесткому курсу по отношению к зависимым царствам.

После образования римской провинции Азия этот баланс нарушился, и ситуация стала стремительно меняться. Отношения между Понтом и Каппадокией были скреплены браком Лаодики, дочери Митридата Еввергета, и сына Ариарата V, Ариарата VI Епифана, причем о времени и обстоятельствах этого брака ничего не известно. Долгое время считалось, что этому браку предшествовала война Понта и Каппадокии и вторжение Еввергета на территорию последней, сделанное с враждебными целями⁷. Эта гипотеза основана на комбинации упоминания Аппианом вторжения Еввергета в Каппадокию (App. Mithr. 10) и сообщения Юстина и Мемнона о том, что сестра Митридата Евпатора Лаодика была замужем за покойным ко времени этих событий Ариаратом VI (Iust. XXXVIII.1.1–3; Memn. FGrH. 434. F. 22.1). Такую интерпретацию событий подверг критике Д. Глью, указавший на нелогичность брака между дочерью завоевателя и побежденным царем, а также и на то, что, судя по позднейшим событиям, понтийское влияние в Каппадокии не было доминирующим. Исходя из этого, он предлагает поместить упоминаемое Аппианом вторжение после брака и оценивать его как акцию, имевшую целью помочь юному Ариарату Эпифану утвердиться на троне⁸. Хотя гипотеза Д. Глью лучше объясняет некоторые факты, чем традиционная версия, она вызвала возражения у Э. Вилля: если каппадокийская политика Еввергета не тревожила сенат, а, напротив, отвечала интересам Рима, усиливая дружественный ему правящий дом в Каппадокии, почему сенат принял решение отнять у Понта недавно переданную ему Фригию?⁹ Возражение это кажется не вполне обоснованным. Во-первых, здесь произвольно увязываются между собой каппадокийская политика Еввергета и судьба его владений после его смерти, хотя нам ничего не известно о взаимосвязи этих двух групп фактов. Во-вторых, Д. Глью в своей работе, как будто предвидя подобные возражения, приводит возможные объяснения фригийского инцидента¹⁰.

---

⁷ Niese 1895: 819; Geyer 1932a: 2162 f; Magie 1950: 194; Will 1982: 468.

⁸ Glew 1977: 383–384. Эту интерпретацию целей вторжения принимает и А.Н. Шервин-Уайт, с той только разницей, что брак он помещает после вторжения (Sherwin-White 1984: 105).

⁹ Will 1982: 469.

¹⁰ Glew 1977: 385–386. Среди этих объяснений он называет и интересы римских публиканов, и то, что римляне, вообще с подозрением смотревшие на могущественных восточных монархов, воспользовались слабостью власти в Понте для того, чтобы ограничить его территориально, наконец, то, что Фригия, возможно, была присоединена к Понту лишь на время жизни Еввергета. Эти объяснения он подкреплял отсылкой к эпиграфическим документам. Ср.: Drew-Bear 1972: 81; Hassal et al. 1974: 211. При этом не принимается в расчет незаконность приобретения Фригии, о которой говорит Аппиан (Mithr. 57). На роль взятки в этом деле указывают, однако, многие другие исследователи. См., напр.: Низе 1910: 139; Hind 1994: 132; Молев 1995: 19.

В любом случае, после смерти Ариарата VI от руки некоего Гордия, «вождя сильной группировки каппадокийской знати»¹¹, Митридат Евпатор решил разыграть в своей политике каппадокийскую партию¹². Видимо, первоначально его вмешательство не носило враждебного характера и сделалось вооруженным лишь в ответ на действия царицы Лаодики. Важно иметь в виду, что юридически прав был Митридат: у поддерживавшего Лаодику Никомеда III не имелось никаких оснований притязать на владение Каппадокией и его вторжение носило откровенно противозаконный характер; видимость таких прав он хотел создать при помощи брака с царицей «по тайному соглашению» (*per pactionem*: Iust. XXXVIII.1.4). Сыновья Ариарата VI были лишены своих законных прав, а власть Никомеда над Каппадокией удерживалась при помощи оставленных им там гарнизонов (*praesidia*: Iust. XXXVIII.1.5). Таким образом создавалось впечатление, что справедливость была на стороне Митридата, выступавшего в поддержку законного наследника против узурпатора¹³.

Но здесь Митридат просчитался. Информация об Ариарате VII Филометоре, защитником которого он выступил, до крайности скудна, но то, что мы знаем, подтверждает мнение А.Н. Шервина-Уайта: это был способный правитель, несмотря на его молодость¹⁴. Независимость от Митридата он продемонстрировал практически сразу же, отказавшись вернуть из изгнания Гордия, убийцу своего отца и будучи готовым отстоять свой отказ в вооруженной борьбе (Iust. XXXVIII.1.7 f.)¹⁵. Митридат, не решившись на открытое сражение, вступил в переговоры и соб-

---

¹¹ Так определяет его положение К. Штробель (Strobel 1996: 66).

¹² Что касается смерти Ариарата VI и ответственности за нее Митридата, якобы подстрекавшего Гордия убить своего монарха (Iust. XXXVIII.1.1), то здесь мы имеем дело лишь с более или менее вероятными предположениями. Еще Т. Рейнак считал мотивом Гордия стремление завладеть короной, которое потерпело неудачу и вынудило его к бегству (Reinach 1895: 81). Достоверным фактом в описании этих событий Юстином является лишь убийство Ариарата, а также бегство Гордия из Каппадокии – но не обязательно в Понт, а, вполне возможно, в Армению или какую-либо иную страну (Glew 1977: 387–378; Strobel 1996: 66, Anm. 63).

¹³ Это подчеркивает и Юстин, говоря, что «это был бы превосходнейший поступок, если бы за ним не скрывался обман» (Iust. XXXVIII.1.5: *egregium prorsus factum, ni subsecuta fraus esset*). Что касается обмана, то Юстин вообще склонен приписывать Митридату в качестве причины его действий исключительные коварство и злокозненность. Ср.: Iust. XXXVIII.1.1; 1.3; 1.6.

¹⁴ Sherwin-White 1984: 106. Ср.: Sherwin-White 1977b: 71 – «proved too independent for his linking».

¹⁵ Возможно, отказ вернуть убийцу отца был лишь одной причиной независимого поведения Ариарата VII; еще одной причиной было то, что он опасался, что возвращение Гордия будет означать фактическое установление его власти в Каппадокии (Strobel 1996: 70). Согласно Юстину, Ариарату оказали помощь соседние цари (Iust. XXXVIII.1.8). Почти наверняка среди этих царей был Никомед, возможно, царь Коммагены и кто-то из галатских тетрархов (Sullivan 1990: 53).

ственнолично убил племянника при личном свидании с ним (Iust. XXXVIII.1.8 sq.; Memn. FGrH. 434. F 22.1). Несмотря на это подлое убийство, он не спешил открыто аннексировать Каппадокию, столь тесно связанную с Римом; его намерением было лишь иметь там послушного правителя, которым и стал один из его сыновей, принявший имя Ариарата IX. Очевидно, целью понтийского монарха на данном этапе было утвердить свое влияние в Каппадокии и предотвратить возможность коалиции против Понта и его политической изоляции¹⁶.

Реальная власть при этом, по-видимому, принадлежала наместникам (*praefectorum*) Митридата, своим произволом вызвавшим ненависть каппадокийцев и их восстание, завершившееся изгнанием чужеземцев и царя, лже-Ариарата (Iust. XXXVIII.2.1). Эти события и кратковременное управление страной Ариаратом VIII, братом убитого царя послужили поводом для новой понтийской интервенции, вернувшей власть сыну Митридата¹⁷. Именно с этого момента начинается непосредственное вовлечение в конфликт Рима – развитие событий, которое десятилетие спустя вылилось в первую Митридаатову войну.

Здесь невольно возникает вопрос: почему Рим так долго не вмешивался в ситуацию и дал ей разрастись до угрожающих размеров? Ответ на него, видимо, может быть только один: римские политики не сразу осознали опасность происходящего, поскольку в конце II в. до н.э. у сената было немало других внешних проблем, прежде всего опасность со стороны германских племен, нанесших несколько поражений римским войскам, и затянувшаяся война с Югуртой¹⁸. Если даже ситуации в Анатолии уделяли какое-то внимание, то лишь от случая к случаю и без особых последствий для развития событий.

2. А был ли совет? (Марий на Востоке и его встреча с Митридатом)

Первый надежно засвидетельствованный факт римского вмешательства в события в Каппадокии – это поездка туда Гая Мария. О ней подробно рассказывает Плутарх (Mar. 31. 2–5), а Цицерон подтверждает сам ее факт (Ad Br. I.5.3)¹⁹. Собственно говоря, то, что по-

---

¹⁶ Strobel 1996: 69.

¹⁷ Все это происходило на протяжении приблизительно 102/101–96 г. до н.э. Хронология событий основана на сообщении Юстина и нумизматических данных и неоднократно подвергалась рассмотрению. См.: Sherwin-White 1977a: 173–183.

¹⁸ Strobel 1996: 67–68.

¹⁹ Л. Бальестерос Пастор считает, что на эту поездку содержится косвенное указание у Аппиана (Mithr. 16.56) (Ballesteros Pastor 2014: 225), однако с ним вряд ли можно согласиться. В указанном в ссылке месте Пелопид, глава понтийского посольства, обличает римских военачальников, причем дело происходит накануне начала войны, т.е. почти через 10 лет после поездки Мария. Не вполне убедительна его отсылка и к еще одному источнику – «Риторике для Геренния» (кстати говоря, неточная: не Rhet. Her. 55, как в статье, а Rhet. Her. IV.54), *neglected reference*, как он ее именует. В свое время персонажа, о котором здесь идет речь, Уорд Фаулер отождествил с Марием (ранее его считали Суллой) (Ward Fawler 1920: 91–99), однако такое отожд-

ездка была на самом деле, – это единственное, что можно признать абсолютно достоверным во всей этой истории. Все остальное относится к области интерпретаций²⁰.

При анализе рассказа Плутарха основной интерес вызывают два вопроса: шла ли речь всего лишь о частной поездке и каковы были ее цели? Согласно рассказу херонейского писателя, «когда было внесено предложение вернуть Метелла из изгнания, Марий словом и делом старался помешать этому, но ничего не добился; после того, как народ охотно принял это решение, он, будучи не в силах перенести возвращение Метелла, отплыл в Каппадокию и Галатию под тем предлогом, что по обету должен принести жертвы Матери богов, в действительности же имея другую причину для путешествия, многим неизвестную. Дело в том, что Марий, по природе неспособный к мирной гражданской деятельности и достигший величия благодаря войнам, полагал, будто в праздности и спокойствии его власть и слава постепенно увядают. Ища возможностей для новых подвигов, он надеялся, что если ему удастся возмутить царей и подстрекнуть Митридата к войне, которую, как все подозревали, тот давно уже замышлял, то его выберут полководцем и он наполнит Рим славой новых триумфов, а свой дом – понтийской добычей и царскими богатствами» (Мар. 31).

Предположение о том, что поездка Мария являлась *legatio*, т.е. носила официальный характер, выдвинул А. Пассерини и затем развила М. Сорди²¹, однако против него говорит ряд соображений. Прежде всего, в надписи CIL I² 845, которая является ключевой в предложенной интерпретации, отсутствует имя. Оно было восстановлено Т. Моммзенем, но при этом следует иметь в виду, что от него не дошло ни одной буквы²². Если к этому учесть, что ни у Цицерона, ни у Плутарха нет даже намека на официальный характер поездки, предположение оказывается достаточно произвольным. Против него можно было бы привести и другие доводы, связанные с отношениями Мария и сената в тот момент, двусмысленным положением Мария после разгрома движения Сатурнина и т.п., но все они носят субъективный характер и могут быть поставлены под сомнение, если использовать иную логику рассуждений. Поэтому отсутствие имени в надписи *единственный* объективный факт против признания официального

действие основано на ряде исправлений в тексте и не является бесспорным. Кроме того, в нем говорится, что этот человек, «еще недавно консул», удалился в Азию, затем обратился в изгнанника. С биографией Мария это не вполне согласуется: все-таки он «удалялся» не в Азию, а в Каппадокию, да и изгнанником стал через 10 лет после этого.

²⁰ Специально миссия Мария рассматривается в ряде исследований, посвященных эпохе Митридата, и специальных статей. См.: Молев 2005: 205–210; Luce 1970: 162–194; Bulin 1983: 27–34; Kallet-Marx 1995; Ballesteros Pastor 1996: 66–71; 1999: 506–508; 244–247; Callataÿ 1997: 271–272; Mastrocinque 1999: 25–27.

²¹ Passerini 1939: 54–77; Sordi 1973: 370–379.

²² McGing 1986: 76, n. 40.

характера поездки, но зато такой, который поколебать невозможно никакими аргументами²³.

Таким образом, исходить следует все-таки из данных Плутарха. Т. Льюс отметил, что отдаленное царство Каппадокия было странным убежищем, если речь шла только о желании не видеть возвращения в Рим Метелла. Он обстоятельно проанализировал те причины, которыми обычно объясняют поездку Мария, и пришел к выводу, что единственный мотив, который лежал в ее основе, – это стремление получить командование, все остальные измышлены позже²⁴. Гипотеза Льюса хорошо подкреплена хронологически (в частности, показано, что Марий отправился в путь еще до того, как было принято решение о возвращении Метелла Нумидийского, а значит, нежелание присутствовать при этом не могло быть мотивом его поведения). Однако Т. Льюс не вполне последователен. С одной стороны, он утверждает, что Марий, как *homo novus*, построивший свою карьеру почти исключительно на воинских успехах, должен был постоянно искать новых командований для поддержания своей *auctoritas*; с другой стороны, несколько ранее он утверждал, что лучшее объяснение для избрания Мария в авгуры *in absentia* – простейшее: оно было результатом значительного влияния и политического могущества²⁵. Что касается командований, то Марий, безусловно, стремился к политически значимым военным командованиям, но значит ли это, что на Востоке такое командование было? Ведь конфликт к тому времени оставался локальным, а Митридат покорно исполнял римские требования.

Как завершение своего рассказа Плутарх приводит историю о встрече и беседе Митридата и Мария: «Хотя Митридат принял его любезно и почтительно, Марий не смягчился и не стал уступчивее, но сказал царю: «Либо постарайся накопить больше сил, чем у римлян, либо молчи и делай, что тебе приказывают», – и этим поверг в страх Митридата, часто слышавшего язык римлян, но впервые узнавшего, какова бывает откровенность их речей» (Mar. 31.5). Эту историю часто воспринимают с полным доверием и делают из нее далеко идущие выводы²⁶. Что касается знаменитых слов Мария, то еще А.Н. Шервин-Уайт выразил сомнение в их реальности и предположил, что вся эта история является апокрифической²⁷. С другой стороны, Л. Бальестеросу-Пастору они напоминают слова Александра, обращенные к рим-

---

²³ Соответственно, автоматически лишаются смысла и формулировки типа «Марий, прошедший переговоры с понтийским царем» (Габелко 2005: 366): даже если встреча на самом деле была, переговорами она являлась только в случае, если Марий имел официальное поручение от сената.

²⁴ Luce 1970: 163, 166–167. Предположение о стремлении Мария к войне довольно широко распространено в литературе. См., напр.: Reinach 1895: 91; Harris 1979: 158, 273; Will 1982: 475; Bulin 1983: 30–31.

²⁵ Luce 1970: 166–167, ср. 165.

²⁶ Наиболее яркими образцами здесь являются статьи: Ballesteros Pastor 1999; 2014; Молев 2005.

²⁷ Sherwin-White 1977a: 174.

лянам, которые передает Мемнон (Memn. FGrH. 434. F. 18.2)²⁸. Однако это сходство скорее углубляет сомнения, чем их рассеивает: не являются ли подобные фразы всего лишь литературным штампом? Ведь дипломатические сношения римлян с Александром находятся под большим вопросом, скорее всего, их просто не было²⁹; но в этом случае невелика и цена отмеченного исследователем сходства³⁰.

Таким образом, и поиски Марием возможностей для новой кампании остаются всего лишь одним из вариантов интерпретации, в котором тоже можно усомниться. Действительно, избрание Митридатом более мирной альтернативы вряд ли являлось неожиданностью³¹, а значит, шанса развязать войну у Мария не было. Поэтому, не отрицая возможного наличия других личных мотивов (в том числе и нежелания видеть возвращение Метелла – ведь независимо от того, когда именно было принято решение, было очевидно, что его обязательно примут!), стоит внимательнее отнестись к тому объяснению, которое приводит Плутарх: исполнение религиозного обета. Современные исследователи зачастую рассматривают мотивы подобного рода с точки зрения рационализма, характерного для Нового времени, т.е. как вымысел, предрассудки, политические манипуляции и т.п. Однако не стоит забывать, что для человека древности они не являлись таковыми, тем более если речь идет о людях, подобных Марию, твердо убежденных в истинности предзнаменований и прочих «суеверий», говоря языком современного человека.

Поэтому поездку Мария следует рассматривать не изолировано, а в том религиозном контексте, о котором сообщают Диодор и Плутарх (Diod. XXXVI.13.1–3; Plut. Mar. 17. 9–11): с учетом приезда в Риме Батака, жреца Великой Матери богов в Пессинунте и данного им предсказания победы в войне с кимврами и тевтонами. В этом случае благодарность победителя богине за ее помощь была вполне естественной, а кроме того, приезд Мария продемонстрировал Востоку, что Рим очередной раз выстоял в испытаниях³². Возможно, именно поездку Мария имел в виду Цицерон, когда 40 лет спустя говорил: «Предки наши признавали все это столь священным, что наши полководцы, хотя и в Риме и в Италии есть множество святилищ, все же во время величайших и опаснейших войн давали обеты именно этой богине и

---

²⁸ Ballesteros Pastor 2014: 229, n. 24. В более ранней статье, отмечая это сходство, Бальестерос прямо говорит, что эти слова выражают *imitatio Alexandri* со стороны Мария (Ballesteros Pastor 1999: 506).

²⁹ Обстоятельное рассмотрение вопроса см.: Бубнов 1998: 99–109.

³⁰ О возможных параллелях см.: Janke 1963: 16–20; Davaze 2013: 411–413.

³¹ Badian 1968: 32. Ср.: Sherwin-White 1984: 108–109. Б. Макгинг, соглашаясь с Льюсом в том, что командование было Марию необходимо, отрицает возможность возбудить войну без армии, одними словами (McGing 1986: 76).

³² Подробнее см.: Broughton 1953: 110–111; Sherwin-White 1984: 108; Kallet-Marx 1995: 244–246. Р. Каллет-Маркс проводит интересную параллель с поездкой на Восток Сципиона Эмилиана после римских побед над Македонией, Ахейским Союзом и Карфагеном (Kallet-Marx 1995: 246, n. 95).

исполняли их в самом Пессинунте, перед самым прославленным главным алтарем, там на месте и в самом святилище» (Cic. Har. resp. 28)³³.

Тем не менее мы можем предполагать, что поездка Мария имела определенный политический резонанс, хотя и меньший, чем обычно считается. Каппадокия оставалась «горячей точкой» уже на протяжении ряда лет³⁴, это бесспорно. То, что сенат перешел к решительным действиям против Митридата вскоре после поездки Мария, тоже очевидно. Однако еще римляне знали: *post hoc non est propter hoc*. Здесь нужно обратить внимание на некоторые события, которые составляют контекст поездки Мария.

Во-первых, это то, что в Риме ко времени отъезда Мария уже находился домогавшийся каппадокийского престола самозванец, якобы третий сын Лаодики и Ариарата VI, и сама Лаодика, признавшая этого самозванца своим сыном (Iust. XXXVIII.2.4). Точной даты их приезда в Рим нет, но К. Штробель, тщательно рассмотрев событийный ряд этого времени, считает наиболее вероятной датой 100 г.³⁵ Мы знаем также, что Митридат отреагировал на это – отправил в Рим свое посольство, которое возглавил Гордий, регент при малолетнем Ариарате IX, сыне самого Митридата, которого он хотел утвердить на каппадокийском престоле (Iust. XXXVIII.1.10; 2.5). Однако сенат проявил твердость, и оба претендента остались ни с чем; более того, им было приказано очистить захваченные территории, Митридату – Каппадокию, а Никомеду – Пафлагонию (Iust. XXXVIII.2.6–7). Юстин объясняет приказ, отданный Никомеду, довольно наивно: якобы это было сделано для того, чтобы не причинить обиды лишенному Каппадокии Митридату. На самом деле, по-видимому, дело заключалось в том, что сенат относился с равным подозрением к обоим монархам, уже доказавшим свои амбиции расчленением Пафлагонии и теперь претендовавшим на Каппадокию.

В итоге у нас есть ряд событий, в котором поездка Мария оказывается если не ненужной, то, во всяком случае, необязательной: в Риме находятся представители сторон, которые отстаивают свои интересы, и на месте вряд ли можно было узнать что-то новое. Кроме того, при отсутствии полномочий Марий не мог сделать ничего, и самое большее, чего можно было ожидать, – это его мнения, высказанного

---

³³ Р. Каллет-Маркс считает, что это место у Цицерона «разумеется, относится» (*surely refers*) к поездке Мария (Kallet-Marx 1995: 246, n. 94). Однако осторожнее все-таки признать всего лишь возможность такого соотнесения. Цицерон говорит о «наших полководцах»; то же самое утверждает Валерий Максим: «Наши полководцы... неоднократно отправлялись в Пессинунт» (Val. Max. I.1.1c). Однако Марий – единственный известный нам случай такой поездки, хотя это не значит, что он был единственным на самом деле и наши авторы не знают других примеров. Или, возможно, Валерий Максим просто опирался на речь Цицерона?

³⁴ Badian 1959: 300; 1968: 32.

³⁵ Strobel 1996: 71. Прямым следствием этого визита он считает поездку Мария (Strobel 1996: 72).

на заседании сената. Поэтому вряд ли правомерно говорить, что его поездка определила отношение к Митридату и его притязаниям и побудила сенат к более активным действиям против происков Митридата в Каппадокии³⁶. К тому же Марий был не единственным сенатором, побывавшим на Востока в это время. Несколько позже имела место *legatio Asiatica* М. Эмилия Скавра (Asc. in Scaur. 21 Cl.), миссия, которую Э. Бэдиан назвал «загадочной» (*mysterious*)³⁷.

Собственно говоря, о самой миссии мы не знаем ничего, кроме того, что она была. Асконой, комментируя речь Цицерона, говорит: «Кв. Сервилий Цепион по причине ненависти к легатству в Азии и вопреки законам привлек Скавра к суду по обвинению в [неправомерном] получении денег на основании закона о вымогательствах, который внес Сервилий Главция» (пер. В.К. Хрусталёва). Скавр был несравненно менее яркой фигурой в сравнении с Марием, и своего Плутарха для него не нашлось, поэтому об обстоятельствах его поездки нам неизвестно ничего. Классическую интерпретацию дал Э. Бэдиан: по его мнению, Скавр был направлен с посольством к Митридату и Никомеду. Произошло это, по его мнению, в начале 97 г., а затем, через пять лет, Скавр был обвинен в получении взятки от Митридата (Val. Max. III.7.8)³⁸.

Реконструкция Бэдиана получила всеобщее признание. Ее попытались поставить под сомнение М. Александер, по мнению которого, слова *legatio Asiatica* Асконой относятся не к Скавру, а к П. Рутилию Руфу³⁹. Как представляется, такой пересмотр не имеет смысла, поскольку исходных данных слишком мало. Главный его недостаток – оно строится на истолковании неясных и допускающих разное толкование слов источника. Мы не знаем и в принципе не можем знать, что имел в виду Асконий под «ненавистью к легатству в Азии» и как логика его текста в данном случае соотносилась с логикой текста Цицерона. Э. Бэдиан, в отличие от него, не интерпретировал слова, а вписывал факт в контекст исторической обстановки, и вписал удачно⁴⁰. Кроме того, фактом остается получение Скавром взятки от Митридата, за что он позже был привлечен к суду⁴¹. Таким образом, Скавр был каким-то образом связан с принятием решения (иначе за что Митридат дал бы ему взятку?), а это порождает вопрос о том, кто именно повлиял на переход сената к более решительным действиям?

Безусловно, проблемы на Востоке назрели, разобраться с ситуацией на месте было необходимо, но кому сенат скорее доверил бы эту миссию – дискредитировавшему себя политику, лишившемуся народной поддержки в результате действий против Сатурнина, но не став-

---

³⁶ Badian 1959: 301; Sherwin-White 1984: 109; McGing 1986: 76.

³⁷ Badian 1959: 302.

³⁸ Badian 1956: 117–122.

³⁹ Alexander 1981: 1–9.

⁴⁰ М. Александер признает, что на момент написания его статьи реконструкцию Бэдиана принимали все исследователи, касавшиеся этой темы (Alexander 1981: 4, n. 14).

⁴¹ Короленков 2014: 71, прим. 73.

шему своим и для наиболее влиятельной части сената, или все-таки человеку, который к тому времени возглавлял сенат уже почти два десятилетия? К этим соображениям можно добавить еще одно: возможно, Скавр был отправлен на Восток именно в пик Марию. Когда то он был одним из влиятельных членов группировки Метеллов; к сожалению, мы плохо знаем его биографию и трудно сказать, сохранились ли эти связи ко времени его *legatio*. Но если они сохранились, то получается довольно интересный ряд событий: Марий уезжает в Каппадокию – в Рим возвращается Метелл Нумидийский – на Восток отправляется Скавр. Может быть, давая Скавру официальные полномочия, которых не имел Марий, к последнему демонстрировали некоторое пренебрежение? Естественно, ответа на этот вопрос нет⁴².

Во всяком случае, если не предаваться фантазиям ни по поводу Мария, ни по поводу Скавра, следует констатировать: создать надежную конструкцию, которая объяснила бы развитие римской политики в Анатолии в этот период, мы не в состоянии. Рассказ Плутарха, порождающий столько вопросов, служить основой такого объяснения не может, про миссию Скавра мы ничего не знаем. Скавра не принимают в расчет ни Д. Маги, ни К. Штробель. Они его просто не упоминают, но умолчание, естественно, не снимает проблемы. Вероятно, все, что мы можем сказать точно – это то, что Рим в конце концов обеспокоился положением в Каппадокии, но что повлияло на это решение точно сказать мы не можем.

Что касается развития событий в регионе в это время, то, пожалуй, можно сделать еще одно наблюдение. Согласно воззрению, идущему еще от античных авторов, основное значение в них имело противостояние двух сил – Митридата и Римской республики; все остальные местные монархи объявляются при этом покорными орудиями воли Митридата или же Рима, не имеющими самостоятельных политических амбиций и веса. Обычно предполагается, что их политика целиком и полностью зависела от воли римского сената или даже частных лиц. Безусловно, эта характеристика в общем верна для кануна Митридатовых войн, но значит ли это, что она относится и к рубежу II–I в.? Думается, ее следует подкорректировать.

---

⁴² А.В. Короленков, опираясь на слова Плиния о Скавре (NH. XXXVI.116: *Mariani sodalicii rapinarum provincialium sinus*), указывает, что Скавр был деловым партнером Мария, и на основании этого ставит под сомнение тезис Т. Льюса (Luce 1970: 162–163, 169), согласно которому Скавр был врагом Мария (Короленков 2014: 70–71). Здесь очередной раз мы сталкиваемся с ситуацией, когда данных практически нет и каждый исследователь волен фантазировать. Слова Плиния не поддаются точной интерпретации (см. разбор этого текста: Таронян 1994: 787–788). Однако слово *sinus*, переводимое как «укрыватель» (буквально – «складка тоги, пазуха», т.е. Скавр как бы прятал вымогателей у себя за пазухой), указывает скорее на то, что Скавр каким-то образом покрывал дела Мария (что можно было делать и просто за взятку, без политического сотрудничества), а не участвовал в делах Мария и его сообщества. Разумеется, это тоже только одна из возможных интерпретаций.

Хотя, судя по рассказу Диодора, в Вифинии царил произвол римских публиканов (Diod. XXXVI.3.1), создается впечатление, что политика Никомеда III носила достаточно самостоятельный характер. Конечно, он вынужден был действовать с оглядкой на Рим и искать там санкции своим действиям; тем не менее, он удержал Пафлагонию вопреки ясно выраженному приказу из Рима (Iust. XXXVII.4.7–9). При этом ответ, который он дал послам, Юстин считает издевательским (Iust. XXXVII.4.9: *sic ludibrio habiti legati Romam revertuntur*). Такое поведение довольно странно, если признать Никомеда полностью зависимым от Рима.

Заслуживает внимания и его попытка прибрать к рукам Каппадокию – путем ли династического брака или посадив на ее престол самозванца. Действия эти были очень осторожными, и тем не менее в них можно проследить ту же общую тенденцию, что и в действиях Митридата – стремление к созданию сильного государства, способного заполнить политический вакуум, образовавшийся в регионе в связи с исчезновением с его политической карты Пергамского царства. Следовательно, можно предположить, что первоначально ситуацию определяло взаимодействие не двух (Митридат и Рим), а трех (те же и Никомед Вифинский) сил; но держава Митридата имела в сравнении с Вифинией значительные преимущества, и это предопределило исход противостояния – самостоятельные претензии Вифинии быстро сходят на нет, и со смертью амбициозного Никомеда III она делается послушным орудием римской политики.

Конечно, относительная самостоятельность политики Никомеда не означала, что он готов был к противостоянию с Римом. Но, справедливости ради, и воинственность Митридата тоже не очевидна, поскольку многие ученые акцентируют внимание на фактах, которые демонстрируют, что он до самого конца стремился избежать открытой конфронтации с Римом⁴³. Как справедливо подчеркивает О.Л. Габелко, «для эллинистических монархов II–I вв. желание уклониться от предъявляемых Римом требований или использовать в собственных интересах борьбу различных группировок в сенате лишь в незначительном числе случаев выражало стремление реально следовать антиримской политике, а чаще всего диктовалось необходимостью достижения тех или иных частных выгод»⁴⁴. К этому, пожалуй, нужно сделать одну поправку: об «антиримской политике» вообще вряд ли можно говорить, поскольку до начала первой Митридатовой войны ни одна акция местных царей не была направлена непосредственно против Рима. Другое дело, что Рим рассматривал чрезмерное усиление одного из царей как потенциальную угрозу себе. В этих условиях контроль над Каппадокией приобретал ключевое значение, и Риму удалось успешно предотвратить опасность ее поглощения как со стороны Никомеда, так и со стороны более опасного Митридата. Оба царя подчинились, но в середине 90-х появи-

---

⁴³ См. обзор этой проблемы: McGing 2009: 203–216. Автор приходит к обоснованному выводу, что ни одна из сторон конфликта не была невинной жертвой (McGing 2009: 213).

⁴⁴ Габелко 2005: 371.

лась новая сила, которую было необходимо учитывать – Великая Армения Тиграна II.

3. Каппадокийская миссия Суллы

События, последовавшие за приказом сената очистить Каппадокию, являются, пожалуй, одним из наиболее дискуссионных эпизодов исследуемого периода. Трудности начинаются уже с чисто хронологических проблем. Согласно рассказу Юстина, сенат предоставил Каппадокии свободу, но «каппадокийцы» (видимо, имеется в виду в первую очередь местная знать)⁴⁵ просили восстановить у них монархию; получив разрешение сената, они избрали царем представителя местного знатного рода Ариобарзана (Iust. XXXVIII.2.8; Strabo XII.2.11). Исследователи по большей части считают, что, если Ариарат IX был посажен Митридатом на каппадокийский трон около 101/100 г., то избрание Ариобарзана следует помещать в 96/95 г. до н.э.⁴⁶ Однако далее начинаются разногласия. Согласно традиционной схеме, Ариобарзан после избрания царем был изгнан из царства, бежал в Рим и был восстановлен на троне пропретором Л. Корнелием Суллой в 92 г. до н.э.⁴⁷

Как и в случае с Марием, основой для реконструкции является подробный рассказ Плутарха, который дополняется краткими сообщениями других авторов. Плутарх, наш основной источник, посвящает в биографии Суллы первым пятидесяти годам жизни своего героя всего пять глав из тридцати семи! Неудивительно, что при этом остается много спорных моментов даже в тех сюжетах, которых он касается. Дело усугубляется еще и тем, что мы вообще довольно плохо знаем девяностые годы I в. до н.э. – время, когда карьера Суллы пошла вверх. При рассмотрении этого периода исследователям приходится брести на ощупь, пытаясь выстроить хоть какую-то логическую и хронологическую цепочку из тех скудных фактов и обрывков свидетельств, которые у нас имеются. Между тем время это само провоцирует интерес к себе хотя бы тем, что во внутренней истории Рима оно завершается такими событиями, имевшими далеко идущие последствия, как попытка реформ М. Ливия Друза Младшего и Союзническая война⁴⁸.

Плутарх рассказывает, что Сулла, думая, что уже достаточно прославил себя воинскими подвигами, сразу после кимврской войны

---

⁴⁵ Sullivan 1990: 55.

⁴⁶ Reinach 1895: 98, 101; Magie 1950: 205, 1099; Badian 1959: 303; Sherwin-White 1977b: 71; 1984: 108–109; Harris 1979: 273; Will 1982: 473; Bulin 1983: 40. Хронологические проблемы подробно рассмотрены А.Н. Шервином-Уайтом (Sherwin-White 1977a: 173–183). Общий обзор датировок правления каппадокийских царей за последние десятилетия II в. до н.э. как они устанавливаются по данным нумизматики см.: Dmitriev 2006: 286. Вывод из этого обзора печален: никакого единодушия не достигнуто, а царская чеканка не может дать нам абсолютную хронологию правления каппадокийских монархов.

⁴⁷ Классическое изложение событий в такой последовательности см.: Моммзен 1994: 203–204.

⁴⁸ Селецкий 1978: 204.

посвятил себя гражданским делам; он записался кандидатом в городские преторы, но на выборах потерпел неудачу. «Виновницею тому была, по его мнению, чернь: зная дружбу его с Бокхом и ожидая – в случае, если он, прежде чем стать претором, займет должность эдила, – великолепной травли африканских зверей, она избрала преторами других соискателей, чтобы заставить его пройти через эдильскую должность» (Plut. Sulla. 5.1–2. Пер. В.М. Смирин). Далее автор упрекает Суллу в некотором лукавстве при объяснении своей неудачи – ведь через год он все-таки получил претуру при помощи лести народу и его подкупа. Затем следует рассказ о действиях Суллы на Востоке: «После претуры Суллу посылают в Каппадокию, как было объявлено, чтобы вернуть туда Ариобарзана, а на деле – чтобы обуздать Митридата, который стал не в меру предприимчив и чуть ли не вдвое увеличил свое могущество и державу. Войско, которое Сулла привел с собою, было невелико, но с помощью ревностных союзников он, перебив много каппадокийцев и еще больше пришедших им на подмогу армян, изгнал Гордия и водворил на царство Ариобарзана» (Ibid. 5.3). После этого говорится о его встрече с парфянским посольством (Ibid. 5.4–5), предсказании ему великого будущего неким халдеем из свиты парфянского посла Оробаза, возвращении в Рим и привлечении к суду Цензорином (Ibid. 5.5–6).

Легко заметить, что этот рассказ не содержит никаких хронологических указаний, кроме расплывчатого «сразу после похода» (ἀπὸ τῆς στρατείας εὐθὺς) и указания, что Сулла стал претором через год после неудачи. Правда, есть еще одно свидетельство: Веллей Патеркул говорит, что Сулла был претором за год до Союзнической войны (Vell. II.15.3). На этом основании неудачную попытку Суллы помещали в 95 г., его претуру – в 93 г., а восточное командование – в 92 г. до н.э. Как отмечает Э. Бэдиан, теперь трудно решить, кто первый пришел к этой датировке, да это и не стоило бы затраченных усилий; во всяком случае, она существовала уже в 1830 г.⁴⁹, а затем вошла во все стандартные работы, посвященные указанному периоду⁵⁰.

Пересмотр устоявшейся традиции осуществил в 1959 г. Э. Бэдиан. Он указал на слишком длительный промежуток времени между кимврской войной и выдвижением Суллы в преторы, если это произошло в 95 г. «Нас просят поверить, ...что плутархово εὐθὺς означает, что он ничего не делал в течение пяти лет, позволяя своему имени постепенно исчезать из общественной памяти, позволяя пройти своему году и отказываясь от всех амбиций; что, пробыв праздным в течение пяти лет – впервые со времени начала своей политической карьеры – он в 95 г. внезапно решил возобновить свое политическое продвижение... Если бы это было так, его неудачу, безусловно, легко понять; что является невероятным – так это то, чтобы какой-нибудь опытный римский

⁴⁹ Badian 1959: 279.

⁵⁰ См., напр.: Reinach 1895: 98, 101; Drumann, Groebe 1900: 366; Fröhlich 1900: 1527; Rostovtzeff, Ormerod 1932: 237; Magie 1950: 206–207; Will 1982: 474; Stark 1966: 52; Campbell 1993: 214; Моммзен 1994: 204.

политик мог вести себя так иррационально и при этом надеяться на успех»⁵¹. Тщательно проанализировав источники и исторический контекст событий, он предложил 97 г. как год претуры и 96 г. как год каппадокийской миссии Суллы. Несмотря на некоторые натяжки этой реконструкции, она в силу своих значительных достоинств в целом была принята исследователями, и выводы Э. Бэдиана получили широкое признание и распространение⁵².

При этом, однако, существовали как минимум два момента, которые могли вызвать сомнение во всей конструкции. На них указал, в частности, Б.П. Селецкий, не принявший новую датировку. Анализируя статью Бэдиана (правда, спустя почти два десятилетия после ее опубликования), он отметил, что, во-первых, он, по существу, игнорирует хронологическое указание, которое содержится у Веллея Патеркула. Даже если это сообщение неточно, его нельзя на этом основании просто опустить, и в любом случае, из него видно, что пропреторство Суллы относилось ко второй половине 90-х годов. Второй момент – это «грубая натяжка» при попытке согласовать факты с гипотезой: армяне, о которых говорит Плутарх, – это воины Тиграна, и сообщение Плутарха можно отнести только ко времени, когда против Суллы сражалась армянская армия, охранявшая Каппадокию, захваченную в 93 г. армянским царем. Именно этой армии Сулла в 92 г. нанес весьма серьезное поражение⁵³.

Годом раньше Б.П. Селецкого к киликийскому наместничеству Суллы обратился А.Н. Шервин-Уайт, показавший уязвимость для критики ряда положений, выдвинутых Бэдианом⁵⁴. Он считает, что армяне, с которыми сражался Сулла, могли прийти только из царства Тиграна, связи которого с Митридатом и Гордием надежно засвидетельствованы; а раз так – событие это не могло иметь места ранее 95 г., года воцарения Тиграна (но не в этом году, так как он был мирный)⁵⁵; мирным был и 93 г. (Obsequens 52.112). Таким образом, получаются варианты: либо 95 г. для претуры и 94 г. для пропреторства, либо же соответственно 94 и 93 гг. Второй случай исключается, так как в 94 г. городским претором был Г. Сентий (SIG 732), и остается только 95–94 гг.⁵⁶

---

⁵¹ Vadian 1959: 284.

⁵² См., напр.: Luce 1970: 169–170; Glew 1977: 389–390; Harris 1979: 273. Однако многие исследователи придерживаются и традиционных, восходящих к Т. Моммзену и Т. Рейнаку, взглядов. См.: Манасерян 1982: 128, 135 сл.; 1985: 115 сл.; Bengtson 1982: 193–194; Will 1982: 453, 473–474.

⁵³ Селецкий 1978: 210. Стоит отметить, что здесь автор выдает предположение за реальный факт: датировка вторжения в Каппадокию войск Митрааса и Багоя 93 г. – это всего лишь одна из возможных датировок.

⁵⁴ Sherwin-White 1977a: 177–178.

⁵⁵ Obsequens 50.110: *pax domi forisque fuit*.

⁵⁶ Sherwin-White 1977a: 174 f. Здесь кроется наиболее слабое место критики у А.Н. Шервина-Уайта. Он увязывает все события с восшествием Тиграна на престол, считая, что армяне могли быть только из Великой Армении, и не

Независимо от А.Н. Шервина-Уайта к такой же датировке пришел Д. Самнер⁵⁷. В своей небольшой статье он выстраивает следующую канву событий: потерпев неудачу на выборах в преторы, Сулла немедленно выставил свою кандидатуру в курульные эдилы на тот же 98 г. и был избран. После окончания срока должности он, в соответствии с законом, два года не имел никакой должности, а затем вновь выставил свою кандидатуру в преторы на 95 г., на сей раз добившись успеха на выборах. Таким образом, мы получаем 94 г. как год его восточного командования. При внешней соблазнительности такой гипотезы, следует все-таки отметить, что четные годы были плебейскими, т.е. на них избирались не курульные, а плебейские эдилы⁵⁸.

Таким образом, к концу 70-х гг. прошлого века существовали три возможные датировки киликийского наместничества Суллы, причем в пользу каждой из них говорил ряд весомых доводов. Это положение было зафиксировано в двух авторитетных изданиях. В середине 80-х гг. вышло переиздание капитального труда Т.Р.С. Броутона «Магистраты Римской республики», которое, наряду с уже выходящими двумя томами, включало в себя новый, дополнительный том, отражавший изменения наших знаний, происшедшие за 30 с лишним лет. Во втором томе, изданном первым изданием в 1951 г., в полном соответствии с существовавшей до 1959 г. традицией претора Суллы и его киликийское наместничество датируется 93/92 гг.; в дополнительном томе автор изложил аргументы сторонников передатировки, отметив при этом, что дискуссия продолжается⁵⁹. Подобным же образом Дж. Хайнд во втором издании «Кембриджской древней истории» приводит все три возможные даты, не высказываясь в пользу ни одной из них⁶⁰.

В общем-то на тот момент речь уже вновь должна была идти о двух датировках. В 1984 г. построение А.Н. Шервина-Уайта подверг критике Р.К. Булин, вернувшийся к дате 92 г., и, практически одновременно с ним пересмотрел свою датировку сам автор, тоже приняв эту дату⁶¹. Однако это не стало концом дискуссии: буквально на следующий год была предпринята интересная попытка примирить пред-

---

учитывая наличия еще и Малой Армении. Между тем эта область находилась под властью Митридата, военные контингенты из нее несли службу даже в отдаленных от ее территории районах Понтийской державы (наличие армянских подразделений эпиграфически засвидетельствовано даже для Ольвии! См.: Молев 1976: 51 сл.; Виноградов 1989: 254 сл.). Вполне естественным было бы допустить, например, что Митридат послал какие-то подразделения из Малой Армении, организованные по этническому принципу, на помощь своему сыну и Гордию.

⁵⁷ Sumner 1978: 395–396.

⁵⁸ Hatscher 2001: 216.

⁵⁹ Broughton 1986a: 14, 18; ср.: Broughton 1986b: 73 f.

⁶⁰ Hind 1994: 142, n. 49.

⁶¹ Bulin 1983: 35 ff.; Sherwin-White 1984: 109. Более подробное изложение дискуссии, с обзором всех проблем и высказанных соображений см.: Смыков 2007: 93–106.

ложенную Э. Бэдианом датировку претуры Суллы 97 г., и предложенную А.Н. Шервином-Уайтом датировку его действий в Каппадокии 94 г. Речь идет о диссертации Л.Э. Римза «Первые пятьдесят лет Суллы. Переосмысление»⁶², в которой автор выдвигает предположение, что Сулла получил командование на 96 г., а затем его продлили на 95 г. и еще раз – на 94 г.

Судя по всему, работа Римза осталась неизвестной исследователям, которые обратились к этому сюжету после него⁶³, но высказанная им идея через некоторое время была независимо от него предложена Т. Кори Бреннаном, автором наиболее обстоятельной на сегодняшний день статьи о карьере Суллы в 90-х гг.⁶⁴ Кори Бреннан отмечает, что хотя прямой информации о длительности пребывания Суллы на Востоке у нас нет, но обзор длительности провинциальных командований в исследуемый период показывает, что они могли длиться несколько лет, и нет, таким образом, ничего невероятного в том, что Сулла, получив провинцию в 96 г., оставался в ней до 93 или даже 92 г.⁶⁵ Таким образом, оказываются «закрытыми» все пробелы в биографии Суллы этого времени: принимаются доводы тех авторов, которые доказывают, что претура Суллы имела место в 97 г., объясняется появление «армян» в рассказе о его действиях на Востоке, делается понятным тот перерыв, который существует между претурой Суллы и его консульством. Гипотезе Т. Кори Бреннана не откажешь в логичности и стройности, она уже нашла последователей⁶⁶, но все-таки нельзя не признать, что и она основывается лишь на косвенных данных. Учитывая то, что это характерно и для всех прочих построений, данная гипотеза все-таки на сегодняшний день остается наиболее приемлемой, так как снимает все противоречия в источниках. Разумеется, для датировки конкретных событий в рамках этого длительного пребывания Суллы на Востока у нас нет никаких данных.

Несмотря на то, что общепризнанной датировки киликийского командования Суллы не существует до сих пор, дискуссия эта принесла, по крайней мере, один положительный результат: вместо старого, во многом упрощенного, представления о характере политических отношений в Анатолийском регионе в начале I в. до н.э., согласно которому все сводилось к противостоянию Митридата Евпатора и Рима, а все остальные политические фигуры считались несамостоятельными, была сформирована новая картина региональных межгосударственных отношений накануне Митридатовых войн.

---

⁶² Reams 1985 (работа оказалась мне недоступной).

⁶³ Hatcher 2001: 218, Anm. 76.

⁶⁴ Corey Brennan 1992.

⁶⁵ Обзор провинциальной администрации в указанный период: Corey Brennan 1992: 137 ff. О длительности командования Суллы: Corey Brennan 1992: 144, 155.

⁶⁶ См.: Eder 1997: 186; Christ 2002: 73–74. Возможность длительного, до 92 г., пребывания Суллы на Востоке признает теперь и Э. Бэдиан (Badian 2012: 384).

В целом события второй половины 90-х гг. I в. до н.э. можно реконструировать следующим образом. После того, как сенат приказал Митридату очистить Каппадокию, а затем согласился на просьбу каппадокийцев восстановить у них монархию, к власти ок. 96 г. приходит Ариобарзан. Обстоятельства его воцарения не вполне ясны. Согласно сообщению Страбона, «после прекращения царского рода римляне согласились в соответствии с договором о дружбе и союзе с этим народом предоставить им самостоятельность, однако прибывшие послы отказались от свободы, так как, по их словам, она им не по плечу, и просили дать им царя. Римляне удивились, что может существовать какой-либо народ, столь изнуренный свободой [...], и разрешили им выбрать голосованием из своей среды кого пожелают. И они выбрали Ариобарзана» (Strabo XII.2.11). Юстин излагает дело несколько иначе: «Сенат отнял у Митридата Каппадокию и, чтобы не было ему обидно, отобрал также и у Никомеда Пафлагонию. А чтобы не было с их стороны нареканий, что отнятое у них передается другим, сенат обоим государствам, [Каппадокии и Пафлагонии], даровал свободу. Однако каппадокийцы отказались от дарованной им свободы, говоря, что [их] народ не может жить без царя. Тогда сенат назначил им царем Ариобарзана» (Iust. XXXVIII.6–8).

подавляющее большинство исследователей, отдавая предпочтение сообщению Страбона перед Юстином принимают, что он был избран каппадокийцами, т.е. каппадокийской знатью⁶⁷. Видимо, следует принять такую трактовку событий, тем более, что, если бы назначение Ариобарзана царем исходило непосредственно от Рима, Митридат и Гордий вряд ли осмелились бы проявлять такое откровенное неповиновение⁶⁸.

Но выбор Ариобарзана не решил проблемы реставрации царской власти в Каппадокии. Судя по косвенным данным (Plut. Sulla. 5; Iust. XXXVIII.5.9), у Гордия было там довольно много сторонников, да и для Митридата в данной ситуации он представлял очень удобную фигуру, поскольку тот мог соблюдать дистанцию между собой и претендентом, пожиная плоды в случае успеха и оставаясь в стороне в случае неудачи⁶⁹. Долгое время считалось, что и после избрания Ариобарзана Гор-

---

⁶⁷ См.: Моммзен 1994: 204; Reinach 1895: 93; Will 1982: 473; Bulin 1983: 40; Badian 1959: 303; Sherwin-White 1984: 107. Ср., однако: Harris 1979: 273 («imposed pro-Roman king of Cappadocians»). Особенно отчетливо мысль о том, что Ариобарзана назначили царем римляне, выражается Р.А. Манасеряном (Манасерян 1985: 112).

⁶⁸ Р.А. Манасерян, считая, что Ариобарзана назначили царем римляне, допускает, что, возможно, после победы Суллы были проведены фиктивные выборы для придания легитимности «воцарению римского ставленника» (Манасерян 1985: 112).

⁶⁹ Iust. XXXVIII.5.8: «ему ... вменяют в вину все, что делают Гордий или Тигран». Р.А. Манасерян, оценивая эту фразу у Юстина, утверждает, что она содержит указание на непричастность Митридата к выступлению Гордия и Тиграна (Манасерян 1985: 115). Думается, что эта оценка не вполне точна и позицию Митридата в данном случае лучше характеризовать не как *непричастность*, а как *отсутствие открытого участия*.

дий продолжал действовать от лица Ариарата IX⁷⁰. Но в источниках нет никаких указаний на это, как нет и никаких свидетельств участия Митридата в этом конфликте; поэтому следует признать, что он подчинился приказу Рима и убрал своего сына из Каппадокии⁷¹. Это, однако, вовсе не означало, что Митридат отказался от намерения распространить свое влияние на Каппадокию⁷²: ведь его целью с самого начала была не аннексия этого государства, а утверждение на его престоле послушного монарха. С этой точки зрения Гордий был даже еще удобнее, чем Ариарат IX, так как позволял создать видимость невмешательства в конфликт со стороны Митридата, чей сын не имел никаких шансов на избрание⁷³.

Вопросом остается, когда и как Ариобарзан пришел к власти – был ли он избран и вступил на престол, а потом был восстановлен Суллой, или Сулла возвел его на престол первый раз? Э. Бэдиан справедливо отметил отдельные логические неувязки в традиционной интерпретации событий: в этом случае оказывается, что Гордий покинул Каппадокию, повинувшись приказу сената, для того, чтобы почти тотчас же вновь вернуться туда с тем, чтобы еще раз быть изгнанным Суллой⁷⁴. Кроме того, Э. Бэдиан обращает внимание на то, что ни один источник не говорит о том, что Ариобарзан дважды был изгнан и дважды возвращен на царство до первой Митридатовой войны⁷⁵. К этому добавляются и чисто стилистические доводы: хотя Плутарх, описывая поручение Суллы, говорит, что он должен был восстановить на троне (*καταγαγεῖν*) Ариобарзана, в дальнейшем он говорит о том, что Сулла «водворил» его на царство (*ἀπέδειξε βασιλέα*), причем, по мнению исследователя, глагол в данном случае свидетельствует о первом возведении Ариобарзана на каппадокийский престол, а *καταγαγεῖν* не проти-

---

⁷⁰ См.: Моммзен 1994: 204; Reinach 1895: 98 (оба автора прямо не говорят, что Сулла изгнал Гордия и Ариарата IX, но это подразумевается ими); Badian 1959: 292 f.; Glew 1977: 389.

⁷¹ Манасерян 1985: 113 сл.; Sherwin-White 1977a: 176; 1984: 109.

⁷² По мнению Р.Л. Манасеряна, «вынужденное согласие Митридата на утверждение на каппадокийском троне Гордия означало его отказ от первоначальных планов присоединения Каппадокии к Понту» (Манасерян 1985: 114). Однако термин «присоединение» едва ли применим к политике Митридата, Каппадокия формально должна была сохранить независимость, так что речь должна идти именно о понтийском влиянии.

⁷³ Dmitriev 2006: 290.

⁷⁴ Badian 1959: 292.

⁷⁵ Badian 1959: 289–290. Ранее, как правило, комбинируя данные Юстина (XXXVIII.2–3) и Плутарха (Sulla. 5.3), пытались обосновать, что Юстин опустил первую реставрацию (Суллой) и второе изгнание некоторое время спустя, так что в его изложении первому изгнанию соответствует вторая реставрация (комиссией Мания Аквиллия). Можно согласиться с Э. Бэдианом в том, что такое предположение выглядит довольно искусственно (Badian 1959: 290).

воречит ему, так как в данном контексте означает возвращение изгнанника в свое государство⁷⁶.

После выбора Ариобарзана в Каппадокии наступает период борьбы между собой двух претендентов – его и Гордия, причем некоторое время силы их были примерно равны, и ни одному из них не удавалось добиться решительной победы; видимо, из-за этого Гордий (может быть, по наущению Митридата) обратился за помощью к царю Армении Тиграну (или получил от Митридата воинские контингенты наемников из Малой Армении)⁷⁷ и с помощью армянских войск одержал победу над Ариобарзаном, который бежал (в Рим?). Все эти события заняли 96–92 гг. Именно в этот промежуток времени Сулла получил приказ от сената вмешаться в ситуацию, что и было им успешно исполнено. Таким образом, Митридат оказался там же, откуда начал. Все попытки установить контроль над Каппадокией оказались тщетными; к тому же существенно изменилось положение в Италии, Рим благополучно справился со всеми своими затруднениями, и открытое проведение агрессивной политики в отношении его союзников стало занятием опасным. Митридату оставалось только выжидать нового удобного момента и искать новых союзников на случай дальнейшего развития конфликта.

---

⁷⁶ Badian 1959: 290. Следует отметить, что тот же самый глагол *καταγαγεῖν* в разных формах в отношении действий Суллы трижды употребляется Аппианом – первый раз при изложении обвинительных речей Митридата против Суллы, второй – в ответной речи самого Суллы, наконец, когда говорится, что Сулла велел Куриону вернуть Ариобарзана в его царство. См.: App. Mithr. 56.228 (Ἀριοβαρζάνην τε κατάγοντες ἐς Καππαδοκίαν); 57.231 (Ἐς μὲν Καππαδοκίαν ἐγὼ κατήγαγον Ἀριοβαρζάνην); 59.249 (Κουρίωνι προσέταξε Νικομήδην ἐς Βιθυνίαν καὶ Ἀριοβαρζάνην ἐς Καππαδοκίαν καταγαγεῖν). Последний пример особенно показатель: каков бы ни был статус Ариобарзана до изгнания, Никомед был законным царем, между тем глагол употребляется по отношению к ним обоим. Возражая мнению Бэдиана о том, что у Плутарха говорится о возвращении изгнанника в царство, а не на трон, А.Н. Шервин-Уайт указывает на употребление Т. Ливия и его эпитоматора, говорящих о том, что Ариобарзан *in regno Cappadokiae... reductus est* (Liv. Per. 70; ср. Per. 74, где речь уже, несомненно, идет о возвращении на царство и употребляется этот же глагол. См.: Sherwin-White 1977a: 175). Однако без полного текста судить о значении слова в данном случае невозможно, поскольку глагол *reducere* употреблялся и в значении восстановления, и в значении возвращения изгнанника. В этом смысле, возможно, стоит обратить внимание на то, что Ливий говорит не о возвращении царя в его царство, а просто об Ариобарзане, который был возвращен в царство Каппадокия, без каких-либо уточнений.

⁷⁷ Решить этот вопрос однозначно вряд ли возможно. С одной стороны, исследователей смущает то, что Тигран к тому времени едва успел взойти на трон, а потому вряд ли у него уже тогда были силы для амбициозной внешней политики. С другой стороны, Малая Армения находилась под властью Митридата, так что, учитывая его стремление демонстративно дистанцироваться от каппадокийских дел, мог ли он допустить вербовку наемников на своей территории?

4. Те же и Тигран: Каппадокия, Понт и Армения

События, последовавшие за киликийским командованием Суллы, обычно излагаются таким образом: царь Армении Тигран, действуя по наущению Митридата, вторгся в Каппадокию, изгнал оттуда Ариобарзана и вновь привел к власти Гордия и лже-Ариарата⁷⁸. Тигран, ставший царем Великой Армении около 95 г. до н.э., а до этого бывший заложником при парфянском дворе (Iust. XXXVIII.3.1; Strabo XI.14.15), как обнаруживает вся его дальнейшая деятельность, по размеру своих амбиций был достойным партнером Митридата. Первые же его акции показали, что он намерен проводить независимую от Парфии политику, направленную на расширение своих владений. В итоге он уже в начале правления присоединил Софену, объединив под своей властью большую часть территории Великой Армении (Strabo XI.14.15), и приобретая в результате этих действий общую границу с Каппадокией⁷⁹. Таким образом, его вмешательство в каппадокийские дела было вполне естественным; другое дело – какие цели он при этом преследовал. Наиболее распространенное их истолкование – это признание его простым орудием в руках Митридата⁸⁰. Такая интерпретация была подвергнута критике в работах Р.А. Манасеряна, впервые, насколько нам известно, поставившего вопрос о самостоятельных политических целях вмешательства Тиграна в каппадокийские дела. Он усматривает в деятельности Тиграна с самого ее начала четко выраженную антиримскую направленность, стремление не допустить образования на западной границе Армении форпоста римской экспансии⁸¹. Этот подход также не может быть признан всецело справедливым, поскольку исследователь исходил здесь из традиционного для советской историографии представления о крайней агрессивности римской внешней политики. Однако для этого периода представление о стремлении римлян к безудержной территориальной экспансии является очевидной натяжкой, так как история последних десятилетий II и первых десятилетий I в. до н.э. полна случаев, когда Рим не спешил присоединять даже те территории, которые сами шли к нему в руки.

---

⁷⁸ Этот взгляд восходит к работам Т. Моммзена и Т. Рейнака (Моммзен 1994: 205; Reinach 1895: 109).

⁷⁹ Sullivan 1990: 99; Манасерян 1985: 110.

⁸⁰ Помимо Моммзена и Рейнака см., напр.: Манандян 1943: 31; Will 1982: 474. Впрочем, Я.А. Манандян решительно возражает против такого понимания отношений Тиграна и Митридата и в качестве оправдания действий Тиграна приводит еще и то, что Каппадокия якобы была опасной соседкой для Армении! (Манандян 1943: 31, 33). У. Хэррис осторожен в своей трактовке действий Тиграна и характера его взаимоотношений с Митридатом: «an action for which Mithridates may or may not have been responsible» (Harris 1979: 273).

⁸¹ Манасерян 1982: 135 сл.; 1985: 114 сл. Сходную позицию занимает Р.Д. Салливан, который считает, что Тигран опасался направленного против него союза Рима и Парфии (Sullivan 1990: 99–100), однако все его рассуждения основаны на признании реальности договора Суллы с парфянами. Между тем его существование вызывает сильные сомнения (см.: Смыков 2000: 317–326).

Что касается важного стратегического значения Каппадокии, на которое указывает Р.Л. Манасерян (со ссылкой на статью О.В. Кудрявцева⁸²), то следует иметь в виду изменения в общеполитической ситуации и расстановке сил на Востоке, а также изменения в системе римской восточной политики, которые произошли за полтора столетия, прошедшие до того времени, о котором пишет О.В. Кудрявцев. Во всяком случае, в 90-е гг. I в. до н.э. вопрос о римской экспансии в Армении еще не стоял; соответственно, маловероятным представляется и предполагаемый Р.Л. Манасеряном антиармянский характер договоренностей Суллы с парфянами⁸³.

При этом, видимо следует отвергнуть и другой тезис Р.Л. Манасеряна, о том, что вступление в дело Тиграна уже не оставляло места для понтийского влияния в Каппадокии⁸⁴. Безусловно, Тигран преследовал там свои, независимые от Митридата, цели. Для нарождавшейся державы Тиграна гораздо большую опасность, чем Римская республика, стремившаяся к поддержанию в регионе *status quo* (Армения, кстати, еще не входила в зону римских интересов)⁸⁵, представляла Парфянская империя, которая уже отторгла часть территории государства⁸⁶. Тигран был лишен возможности осуществлять экспансию в восточном направлении, по крайней мере пока; поэтому он обратился на запад, и первой его жертвой стала Каппадокия, где внутренняя ситуация делала чужеземное вмешательство неизбежным, кто бы его ни осуществлял. Однако здесь Тиграну пришлось столкнуться с Митридатом и его притязаниями. Поскольку обоим амбициозным властителям был нужен союзник для осуществления их дальнейших планов, альянс их был вполне естественным.

Этапы взаимоотношений двух монархов известны нам лишь в самых общих чертах из сообщения Юстина. Согласно его рассказу, Митридат, уже давно замышляя войну против римлян, решил втянуть в нее и Тиграна и с этой целью подбил его начать войну с Ариобарзаном; соглашение двух монархов было скреплено браком Тиграна и Клеопатры, дочери Митридата (Iust. XXXVIII.3.1–2). Вероятно, следует отвергнуть интерпретацию этого союза как антиримского. На деле цели союза были гораздо скромнее: властители договорились всего лишь о разделе Каппадокии, причем территория доставалась Митридату, а люди – Тиграну (Iust. XXXVIII.3.5). Видимо, царь Армении испытывал острую нужду в людских ресурсах: источники неоднократно говорят о переселении в его наследственные земли населения с покоренных им территорий⁸⁷. Что

---

⁸² Кудрявцев 1955.

⁸³ Манасерян 1982: 136; 1985: 115.

⁸⁴ Манасерян 1985: 114.

⁸⁵ О первых контактах Рима и Армении см.: Patterson 2001.

⁸⁶ Согласно сообщению Страбона, выкупом за освобождение Тиграна из заложничества в Парфии послужили 70 армянских долин (Strabo XI.14.15).

⁸⁷ Plut. Luc. 21.4: «переполнил Месопотамию греками, которых во множестве переселил туда из Киликии и Каппадокии»; *ibid.* 26.5: «в Тигранокертах жило множество греков, насильно переселенных из Киликии, и варваров, которых по-

касается Митридата, то он вновь передал управление Каппадокией лже-Ариарату IX (Iust. XXXVIII.3.3; App. Mithr. 10)⁸⁸.

Таким образом, вопреки утверждению Р.Л. Манасеряна, в конце 90-х гг. Митридат вновь контролировал Каппадокию и присоединил к этому еще и контроль над Вифинией⁸⁹ – стратегически двумя наиболее важными территориями в Малой Азии⁹⁰. Цари обоих этих царств, как обычно, бежали в Рим, и сенат вновь принял меры для восстановления *status quo*, направив в Азию комиссию во главе с Манием Аквиллием (App. Mithr. 11; Iust. XXXVIII.3.4). Т. Рейнак считает выбор Аквиллия для этой задачи ошибкой со стороны римского сената⁹¹, однако здесь он не вполне прав. Этот выбор был вполне обдуманным и закономерным⁹². Аквиллий, сын организатора провинции Азия, должен был иметь на

стигла та же судьба»; Strabo XI.14.15: в Тигранокертах было собрано «население разоренных им двенадцати греческих городов»; *ibid.* XII.2.9: Тигран «изгнал всех мазакинов в Месопотамию, составив из них население Тигранокерт»; App. Mithr. 67: «армянский царь, полонив Каппадокию, вывел в Армению до трехсот тысяч человек и поселил их вместе с другими...». Видимо, по замыслу Тиграна, эти переселенцы должны были стимулировать эллинизацию Армении.

⁸⁸ Поскольку Митридат не признавал законности избрания Ариобарзана и после поражения Гордия продолжал считать царем Ариарата IX (Dmitriev 2006: 290), с его точки зрения это было всего лишь возвращение царства законному государю.

⁸⁹ Габелко 2005: 381.

⁹⁰ О стратегическом значении этих территорий в период Римской империи см.: Ранович 1949: 72 (Вифиния), 119 (Каппадокия). См. также: Кудрявцев 1955: 48, 57 (для периода империи). К мнению А.Б. Рановича и О.В. Кудрявцева присоединяется Р.Л. Манасерян, распространяя то стратегическое значение для Римской империи, которое Каппадокия имела в середине I в. н.э., и на начало I в. до н.э. См.: Манасерян 1982: 135; 1985: 114. Но, хотя в общем эти территории действительно занимают стратегически важное положение в регионе, маловероятно, чтобы Рим в этот период заботило именно оно, и что Каппадокия была «форпостом римской экспансии» в Передней Азии уже в это время. Поэтому вмешательство Рима было вызвано не тем, что «наноса удары по Каппадокии, Тигран тем самым вел войну против интересов Рима в Передней Азии» (Манасерян 1982: 135) и, тем более, не тем, что он «со всей решимостью попытался поставить заслон расширению римской экспансии в Малой Азии» (Манасерян 1985: 114), ведя, таким образом, своего рода «превентивную войну», а, скорее, опасением со стороны Рима, что Армения или Понт чрезмерно усилятся. Кстати, сам Р.Л. Манасерян указывает, что утверждение в Каппадокии открывало путь на юг, в Сирию и к Персидскому заливу, т.е. как раз в том направлении, в котором в последующий период развивалась экспансия не Рима, а Тиграна. Таким образом, акция против Каппадокии была не борьбой против римского империализма, а проявлением имперских амбиций со стороны Тиграна II.

⁹¹ Reinach 1895: 110.

⁹² Д. Глью вообще считает, что никакого выбора не было, потому что не из кого было выбирать: из 27 консуляров, известных нам для периода 116–102 гг. (т.е. до консульства Аквиллия) могли выполнить это поручение лишь он сам, Г. Марий и Кв. Лутаций Катул. Остальные умерли, были очень стары или о них ничего не известно со времени их консульства (Glew 1977: 405).

Востоке обширную клиентелу⁹³, и именно этому обстоятельству он был обязан успехом своей миссии⁹⁴ – поручение было выполнено им быстро и качественно.

Понтийский царь тотчас же очистил Каппадокию, а Сократ Хрест, претендовавший на власть в Вифинии, был им убит (App. Mithr. 11; Memn. 30.3; Just. 38.5.8). В очередной раз Митридат продемонстрировал готовность немедленно отступить от своих притязаний при первых признаках недовольства со стороны римлян⁹⁵; однако на сей раз последовало продолжение, которого он, видимо, не ожидал. В результате своекорыстных действий римских послов⁹⁶, начался крупнейший в римской истории второй половины II–I вв. до н.э. военный конфликт, в тот момент в равной степени ненужный и Митридату и римлянам⁹⁷.

Означает ли это, что военное столкновение было случайностью? Ни в коем случае. Рано или поздно римляне были бы вынуждены принять решительные меры против Митридата, к которым в тот момент они были еще не готовы. Если баланс сил или *status quo* действительно являлись предметом заботы римлян в этом регионе, то невозможно было не обращать внимания на чрезмерное усиление державы Митридата за счет своих соседей. К концу 90-х гг. I в. до н.э. Понтийская держава стала ведущей политической силой в Анатолии. Что касается политики Митридата, то в ней уже в это время существовали опасные для римского владычества тенденции. Хотя до сих пор понтийский царь покорно исполнял все требования римлян и избегал открытого неповиновения, он параллельно с этим исподволь укреплял свои позиции среди населения азиатских полисов, создавая вокруг себя ореол защитника эллинов от варварской угрозы и монарха-филэллина⁹⁸. Это прямо контрастировало с поведением Ариобарзана, первым из местных царей принявшего прозвище Филоромей, знаменовавшее положение Каппа-

---

⁹³ На это обстоятельство указывают: Badian 1968: 56; Glew 1977: 394.

⁹⁴ Badian 1968: 56. Особенно выразительна фраза: «his mere presence had been enough, and there was no resistance».

⁹⁵ По мнению Г. Бенгтсона, такая уступчивость Митридата объясняется тем, что он не хотел заслужить дурную славу правонарушителя в глазах всего мира (Бенгтсон 1982: 295). Это объяснение тем более вероятно, что в дальнейшем тема алчности римлян и его собственной покорности их воле займет видное место в митридатовской пропаганде.

⁹⁶ Говоря словами Э. Бэдиана, римская политика «стала игрушкой частных и групповых (factional) амбиций» (Badian 1958: 289).

⁹⁷ Как отметил Дж. Хайнд, эта война началась без согласия на нее римских сената и народа (Hind 1994: 144).

⁹⁸ Б. Макгинг, полемизируя с Д. Гью, утверждает, что Митридат готовился к войне с Римом все то время, которое он был занят созданием своей империи и начал войну только тогда, когда был готов к ней: «The king of Pontus had been preparing economically, military and diplomatically for a number of year; he was ready» (McGing 1986: 88; обоснование этого мнения см. 82 f.). На деле подходы Д. Гью и Б. Макгинга не являются взаимоисключающими: Митридат вполне мог укреплять свою державу и ее международные позиции (это было вполне естественно!), не стремясь к войне с Римом и стараясь ее избежать.

докии и ее царей в новой расстановке сил в регионе. Без постоянной поддержки со стороны Рима Каппадокия просто исчезла бы с политической карты, поглощенная одним из агрессивных соседей.

Литература/References

- Бенгтсон Г. 1982. Правители эпохи эллинизма. М. [Bengtson G. 1982. Praviteli epokhi ellinizma. Moskva].
- Бубнов Д.В. 1998. Посольство римлян в Вавилон и Александр Молосский // Античность и средневековые Европы. Межвузовский сборник научных статей. Пермь. С. 99–109 [Bubnov D.V. 1998. Posol'stvo rimlyan v Vavilon i Aleksandr Moloskiy // Antichnost' i srednevekov'e Evropy. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh statey. Perm'. S. 99–109].
- Виноградов Ю.Г. 1989. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. М. [Vinogradov Yu.G. 1989. Politicheskaya istoriya Ol'viyskogo polisa VII–I vv. do n.e. Istoriko-epigraficheskoe issledovanie. Moskva].
- Габелко О.Л. 2005. История Вифинского царства. СПб. [Gabelko O.L. 2005. Istoriya Vifinskogo tsarstva. Sankt-Peterburg].
- Короленков А.В. 2014. Процесс Рутилия Руфа и его политический контекст // ВДИ. № 3. С. 59–74 [Korolenkov A.V. 2014. Prozess Rutilia Rufa i ego politicheskiy kontekst // Vestnik drevney istorii. № 3. S. 59–74].
- Кудрявцев О.В. 1955. Провинция Каппадокия в системе римской восточной политики // ВДИ. № 2. С. 48–72 [Kudryavtsev O.V. 1955. Provinziia Kappadokiia v sisteme rimskoy vostochnoy politiki // Vestnik drevney istorii. № 2. S. 48–72].
- Манандян Я.А. 1943. Тигран II и Рим в новом освещении по первоисточникам. Ереван [Manandyan Ya.A. 1943. Tigran II i Rim v novom osveshchenii po pervoistochnikam. Erevan].
- Манасерян Р.Л. 1985. Борьба Тиграна II против экспансии Рима в Каппадокии в 93–91 гг. до н.э. // ВДИ. № 3. С. 109–118 [Manaseryan R.L. 1985. Bor'ba Tigrana II protiv ekspansii Rima v Kappadokii v 93–91 gg. do n.e. // Vestnik drevney istorii. № 3. S. 109–118].
- Манасерян Р.Л. 1982. Процесс образования державы Тиграна II // ВДИ. 1985. № 2. С. 122–139 [Manaseryan R.L. 1982. Protsess obrazovaniya derzhavy Tigrana II // Vestnik drevney istorii. № 2. S. 122–139].
- Молев Е.А. 1995. Властитель Понта. Н. Новгород [Molev E.A. 1995. Vlastitel' Ponta. N. Novgorod].
- Молев Е.А. 2005. Встреча Митридата с Марием в плане развития военной доктрины Понта // ANTIQUITAS AETERNA. Поволжский антиковедческий журнал. Казань; Н. Новгород; Саратов. Вып. 1. С. 205–210 [Molev E.A. 2005. Vstrecha Mitridata s Mariem v plane razvitiya voennoy doktriny Ponta // ANTIQUITAS AETERNA. Povolzhskiy antikovedcheskiy zhurnal. Kazan; N. Novgorod; Saratov. Vyp. 1. S. 205–210].
- Молев Е.А. 1976. Митридат Евпатор. Создание Черноморской державы. Саратов [Molev E.A. 1976. Mitridat Evpator. Sozdanie Chernomorskoy derzhavy. Saratov].
- Моммзен Т. 1994. История Рима. СПб. Т. 2 [Mommzen T. 1994. Istoriia Rima. Sankt-Peterburg. Tom 2].
- Низе Б. 1910. Очерк римской истории и источниковедения. СПб. [Nize B. 1910. Ocherk rimskoy istorii i istochnikovedeniya. Sankt-Peterburg].
- Ранович А.Б. 1949. Восточные провинции Римской империи в I–III вв. М. [Ranovich A.B. 1949. Vostochnye provintsii Rimskoy imperii v I–III vv. Moskva].

- Сапрыкин С.Ю.* 1996. Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М. [*Saprykin S.Yu.* 1996. Pontiyское tsarstvo. Gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e. Moskva].
- Селецкий Б.П.* 1978. О некоторых современных исследованиях социально-политической истории Рима 90-х годов I в. до н.э. // ВДИ. № 3. С. 205–215 [*Seletskiy B.P.* 1978. O nekotorykh sovremennykh issledovaniyakh sotsial'no-politicheskoy istorii Rima 90-kh godov I v. do n.e. // Vestnik drevney istorii. № 3. S. 205–215].
- Смыков Е.В.* 2000. Рим и Парфия: первые контакты (К вопросу о договорах Суллы и Лукулла с парфянами) // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань. Ч. 1. С. 317–332 [*Smykov E.V.* 2000. Rim i Parfiya: pervyye kontakty (K voprosu o dogovorach Sully i Lukulla s parfyanami) // Mezghosudarstvennyye otnosheniya i diplomatiya v antichnosti. Kazan'. Chast' 1. S. 317–332].
- Смыков Е.В.* 2007. Каппадокийская миссия Суллы: проблемы хронологии (историографический очерк) // Studia Historica. № VII. М. С. 93–106 [*Smykov E.V.* 2007. Kapradokiyskaya missiya Sully (istoriograficheskiy ocherk) // Studia Historica. № VII. Moskva. S. 93–106].
- Таронян Г.А.* 1994. Примечания к книге XXXVI // Плиний Старший. Искусствознание. Об искусстве / Г.А. Таронян (ред.). М. [*Taronian G.A.* 1994. Primechaniya k knige XXXVI // Pliniy Starshiy. Iskusstvovoznanie. Ob iskusstve / G.A. Taronian (red.). Moskva].
- Alexander M.C.* 1981. The Legatio Asiatica of Scaurus: Did It Take Place? // *TA-PhA*. Vol. 111. P. 1–9.
- Badian E.* 1956. Q. Mucius Scaevola and the Province of Asia // *Athenaeum*. Vol. 34. P. 104–123.
- Badian E.* 1958. Foreign Clientelae (264–70 B.C.). Oxf.
- Badian E.* 1959. Sulla's Cilician Command // *Athenaeum*. Vol. 37. P. 279–303.
- Badian E.* 1968. Roman imperialism in the late Republic. Oxf.
- Badian E.* 2012. Cornelius Sulla Felix, L. // *The Oxford Classical Dictionary*⁴. Oxf. P. 384–385.
- Ballesteros Pastor L.* 1996. Mithridates Eupator, rey del Ponto. Granada.
- Ballesteros Pastor L.* 1999. Marius' Words to Mithridates Eupator (Plut. Mar. 31.3) // *Historia*. Bd. 48. P. 506–508.
- Ballesteros Pastor L.* 2008. Cappadocia and Pontus, Client Kingdoms of the Roman Republic from the Peace of Apamea to the Beginning of the Mithridatic Wars (188–89 BC) // *Freundschaft und Gefolgschaft in den auswärtigen Beziehungen der Römer (2 Jh. v. Chr.–1 Jh. n. Chr.)* / A. Coskun (ed.). Frankfurt am Main. P. 45–63.
- Ballesteros Pastor L.* 2014: The meeting between Marius and Mithridates and the pontic policy in Cappadocia // *Cedrus*. Vol. 2. P. 225–239.
- Bengtson H.* 1982. Grundriss der römischen Geschichte mit Quellenkunde. Republik und Kaiserzeit bis 284 v. Chr. München.
- Braund D.* 1984. Rome and the friendly king: the character of the client kingship. London; Canberra; New York.
- Brennan T.C.* 1992. Sulla's Career in the Nineties: Some Reconsiderations // *Chiron*. Bd. 22. P. 103–158.
- Broughton T.R.S.* 1953. Notes on Roman Magistrates // *Historia*. Bd. 2/2. P. 209–213.
- Broughton T.R.S.* 1986a. The Magistrates of the Roman Republic. Atlanta (Georgia). Vol. 2.
- Broughton T.R.S.* 1986b. The Magistrates of the Roman Republic. Atlanta (Georgia). Vol. 3.

- Bulin R.K.* 1983. Untersuchungen zur Politik und Kriegführung Roms im Osten von 100–68 v. Chr. Frankfurt a. Main; Bern.
- Callataj de F.* 1997. L'Histoire des Guerres Mithridatiques vue par les monnaies. Louvain-la-Neuve.
- Campbell B.* 1993. War and diplomacy: Rome and Parthia, 31 B.C.–A.D. 235 // *War and Society in the Roman World*. L.; N. Y. P. 213–240.
- Christ K.* 2002. Sulla. Eine römischen Karriere. München.
- Davaze V.* 2013. Memnon, historien d'Héraclée du Pont. Commentaire historique. Maine.
- Dmitriev S.* 2006. Cappadocian Dynastic Rearrangements on the Eve of the First Mithridatic War // *Historia*. Bd. 55/3. P. 285–297.
- Drew-Bear Th.* 1972. Three senatus consulta concerning the province of Asia // *Historia*. Bd. 21/1. P. 75–87.
- Drumann W., Groebe P.* 1900. Geschichte Roms in seinem Übergange von republikanischen zur monarchischen Verfassung. Leipzig. Bd. 2.
- Eder W.* 1997. Sulla Felix L. // *Der neue Pauly: Enzyklopadie der Antike* / H. Cancik, H. Schneider (hg.). Stuttgart; Weimar. Bd. 3. Sp. 186–190.
- Fröhlich F.* 1900. L. Cornelius Sulla Felix // *RE*. Hbd. 7. Sp. 1522–1566.
- Geyer F.* 1932a. Mithridates V Euergetes // *RE*. Bd. 15. Sp. 2162–2163.
- Geyer F.* 1932b. Mithridates VI Eupator Dionysos // *RE*. Bd. 15. Sp. 2163–2205.
- Glew D.G.* 1977. Mithridates Eupator and Rome. A study of the background of the first Mithridatic war // *Athenaeum*. Vol. 55/3–4. P. 380–405.
- Gruen E.* 1984. The Hellenistic World and the Coming of Rome. Berkeley etc.
- Harris W.V.* 1979. War and Imperialism in Republican Rome. 327–70 B.C. Oxf.
- Hassal M., Crawford M., Reynolds J.* 1974. Rome and the Eastern Provinces at the End of the Second Century B.C. // *JRS*. Vol. 64. P. 195–220.
- Hatscher C.R.* 2001. Sullas Karriere in den Neunziger Jahren – Ansätze der Forschung (1830–1992) // *Hermes*. Bd. 129/2. S. 208–224.
- Hind J.F.* 1994. Mithridates // *CAH²*. Cambr. Vol. 9. P. 129–164.
- Hoben W.* 1969. Untersuchungen zur Stellung kleinasiatischer Dynasten in den Machtkämpfen der ausgehenden römischen Republik. Diss. Mainz.
- Janke M.* 1963. Historische Untersuchungen zu Memnon von Herakleia. Diss. Würzburg.
- Kallet-Marx R.* 1995. Hegemony to Empire. The Development of the Roman Imperium in the East from 148 to 62 B.C. Berkeley.
- Luce T.J.* 1970. Marius. and the Mithridatic command // *Historia*. Bd. 19/2. P. 162–194.
- Magie D.* 1950. Roman Rule in the Asia Minor. Princeton. Vol. 1–2.
- Mastrocinque A.* 1999. Studi sulle Guerre Mitridatiche. Stuttgart.
- McGing B.* 1986. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden.
- McGing B.* 2009. Mithridates VI Eupator: Victim or Agressor? // M. Høite (ed.). *Mithridates VI and the Pontic Kingdom*. Aarhus. P. 203–216.
- Niese B.* 1895. Ariarathes VI // *RE*. Bd. 2. Hbd. 1. Sp. 819.
- Passerini A.* 1939. Epigrafia Mariana // *Athenaeum*. Vol. 17. P. 54–77.
- Patterson L.* 2001. Rome's Relationship with Artaxias I of Armenia // *The Ancient History Bulletin*. Vol. 15/4. P. 155–162.
- Reams L.E.* 1985. The first fifty Years of Sulla. Diss. phil. Univ. of Southern Carolina.
- Reinach T.* 1895. Mithridates Eupator, König von Pontos. Leipzig.
- Rostovtzeff M.I., Ormerod H.A.* 1932. Pontus and its neighbours: The first Mithridatic War // *CAH*. Vol. 9. P. 211–260.

- Sherwin-White A.N.* 1977a. Ariobarzanes, Mithridates and Sulla // *CQ.* Vol. 27. P. 173–183.
- Sherwin-White A.N.* 1977b. Roman involvement in Anatolia, 167–88 B.C. // *JRS.* Vol. 67. P. 62–75.
- Sherwin-White A.N.* 1984. Roman Foreign policy in the East. 168 B.C. to A.D. 1. L.
- Sordi M.* 1973. La legatio in Cappadocia di C. Mario nel 99–98 a.C. // *RIL.* Vol. 107. P. 370–379.
- Stark F.* 1966. Rome on the Euphrates. The story of a frontier. N.Y.
- Strobel K.* 1996. Mithradates VI. Eupator von Pontos. Der letzte große Monarch der hellenistischen Welt und sein Scheitern an der römischen Macht // *Ktèma: civilisations de l'Orient, de la Grèce et de Rome antiques.* No. 21. S. 55–94.
- Sullivan R.D.* 1990. Near Eastern Royalty and Rome, 100–30 BC. Toronto.
- Sumner G.V.* 1978. Sulla's career in the Nineties // *Athenaeum.* Vol. 56/3–4. P. 395–396.
- Ward Fowler W.* 1920. On the Date of the *Rhetorica ad Herennium* // *idem.* Roman Essay and Interpretations. Oxf. P. 91–99.
- Will E.* 1982. Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.–C.)². Nancy. Vol. 2.

Поступила в редакцию / Received 12.11.2022.
Принята к публикации / Accepted 19.11.2022.
Опубликована / Published 27.04.2023.